

**АВСТРАЛИЯ – СССР в 1940-е годы:
ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ
Часть 2. Время упущенных возможностей**

Окончание Второй мировой войны и разгром столь опасных противников как гитлеровская Германия и милитаристская Япония вселяли надежды на взаимное уважение и укрепление сотрудничества держав-победителей. И на фоне этой послевоенной эйфории для австралийского руководства крайне обидным стало то, что вопрос о мирном урегулировании с Японией на переговорах в Москве в конце 1945 г. решался без его привлечения¹. Первая реакция была осторожна, но четко выражена: «следует разъяснить Соединенным Штатам и Советским представителям, что, когда речь идет о будущем Тихого океана, Австралия, как главный участник конфликта в войне и как нация, чья безопасность и процветание столь тесно связаны с будущим Тихоокеанского региона, должна напрямую участвовать в переговорах с другими заинтересованными странами»². Все чаще АС раздражал тот факт, что великие державы видели в доминионах только подчиненные части Британской империи, чьи интересы определял Лондон. Такая ситуация складывалась в ходе переговоров по Японии, то же самое наблюдалось и при обсуждении вопроса о Корее в процессе работы Дальневосточной Комиссии. Г. Эватт решительно возражал: «Эту процедуру следует оспорить. Британское правительство приняло нашу основную точку зрения на сей счет, и теперь пришло время просить их вполне откровенно заявить Соединенным Штатам и России, что в отношении всех дел, относящихся к урегулированию в Японии, они будут участвовать только при условии, что Австралия тоже участвует как основная сторона»³. Эти противоречия стали первым камнем преткновения в послевоенном мироустройстве, а сам факт осознания своих прав участвовать в делах региона на равных был весьма красноречив – в АС шла

выработка своей независимой линии, согласованной, но отдельной от Великобритании.

Следует отметить, что сразу по окончании военных действий дипломаты увидели, что «единство великих держав закончилось и что в данный момент члены Большой Тройки действуют независимо друг от друга»⁴. Ситуация для АС усложнялась тем, что даже с Лондоном не наблюдалось полного согласия: споры между австралийской и британской делегациями шли по вопросам системы опеки над бывшими колониями, о праве вето великих держав в создаваемой ООН, и многим другим⁵. К слову, участие АС в создании этой организации стало еще одной вехой на его пути к внешнеполитической самостоятельности. «Мы... бы желали не быть привязанными ни к одной шаблонной схеме до проведения всеобщей конференции ... Должен быть обеспечен максимум участия держав, не входящих в Большую Тройку, в деле разработки деталей и процедур этой организации», – подчеркивал Эватт⁶.

Такой подход стал принципиальной позицией АС на международной арене и одной из основ курса АЛП. Общеизвестно, что Австралия была в числе наиболее активных создателей ООН: в 1945 г. на конференции в Сан-Франциско ее делегация насчитывала 45 человек, Эватт выступал более 200 раз и был членом 20 комитетов, из 38 предложенных австралийцами крупных поправок приняты были 26⁷. Вплоть до 1949 г. этот австралийский политик продолжал видеть в Объединенных Нациях арену мирного решения всех проблем, считая, что «активное участие в ООН и создаваемых ею организациях – ключевой момент в политике правительства»⁸. Остается только поражаться упорству, с которым держался своих взглядов глава внешнеполитического ведомства Австралии, ибо работа в ООН с его советскими партнерами, в частности, оказалась совсем не из легких. Будь то работа комитета по опеке или заседания Совета Безопасности – там, где хоть в малейшей степени пересекались интересы СССР и Австралии, – тотчас же возникала напряженность между представителями двух государств. А наивные попытки Эватта найти в СССР непосредственного союзника в противовес Великобритании уже в 1945 г. закончились доносом В.М. Молотова главе британской делегации о

приватных переговорах, в которые австралийский министр вступил с Советами^{9*}.

Проблемы, при решении которых подходы делегатов СССР и АС расходились, были многочисленны. Укажем только на некоторые из них: размеры репараций; вопросы ядерного разоружения и контроля над атомным оружием; позже к ним добавились споры вокруг проектов об опеке для Новой Гвинеи и Науру; обсуждение условий членства в ООН и процедуры приема в нее новых государств¹⁰. Кроме того, дискуссионными оставались и вопросы гуманитарного плана: защита прав человека в попавших в зону советского влияния странах Восточной Европы и обеспечение свободы печати. Вне всякого сомнения, тема взаимоотношений наших двух стран в ООН требует самого тщательного и обширного исследования. В ряде работ советских авторов дается сжатая, но весьма точная аргументация советской стороны по большинству затронутых вопросов¹¹, но очень односторонне оцениваются позиции ее австралийских партнеров. Между тем опубликованные документы ООН дают все основания усомниться в исключительно «антидемократическом» и «империалистическом» характере доводов австралийской делегации. Ограничимся лишь некоторыми примерами.

Так, в проекте документа об опеке над Науру, предложенном делегацией Австралии, представитель СССР увидел «шаг назад, указывающий на возрождение колониальной и мандатной системы, который может привести к прямой аннек-

* Стоит сказать, что в числе верных соратниц Эватта была и «красная Джесси» – защитница прав женщин и борец за мир Дж. Стрит. Как представительница истеблишмента Нового Южного Уэльса, богатая и прекрасно образованная, она сыграла яркую роль в формировании общественного мнения современной ей Австралии. Личные знакомства с Элеонор Рузвельт, Нэнси Астор, Пабло Пикассо и Джавахарлалом Неру открывали ей двери самых высоких кабинетов. Она стала единственной женщиной в составе австралийской делегации на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 г., где она помогла создать постоянную комиссию по статусу женщин, став ее членом от АС (см.: *The Bulletin*, July 4, 2006, p.67). Но хотя Стрит, как уже говорилось, была самой преданной поклонницей СССР, недоверие к Австралии со стороны представителей России, Украины и Белоруссии не ослабевало.

сии территории под опекой»; и не заметил, что к управлению островом привлекался Совет вождей местных племен, учреждалось проведение выборов при тайном голосовании, вводилось бесплатное медицинское обслуживание и обязательное начальное обучение для жителей территории. Недаром же в результате все поправки СССР были отклонены, а проект прошел при 41 голосе «за» и только 6 (СССР, БССР, УССР, Польша, Чехословакия и Югославия) «против»¹². Упорство, с каким члены советской делегации отстаивали свои позиции в работе над проектом комитета ООН по опеке, вызывало недоумение относительно их целей у членов других делегаций, особенно Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. «Кажется, что никаких удовлетворительных признаков относительно намерений Советского блока пока не найдено. Все, что можно сказать в настоящее время, это то, что Советское правительство весьма заинтересовано в вопросах опеки и намерено играть ведущую роль в заседаниях Совета по опеке», – отмечали австралийские дипломаты¹³.

Обсуждение корректировки Устава ООН и урегулирования применения права вето постоянными членами Совета Безопасности тоже дает немало поводов не согласиться с широко распространенным в советской историографии мнением о провокационном характере действий Австралии. СССР использовал принцип единогласия и право вето как мощный рычаг для достижения своих целей и блокирования нежелательных ему предложений, а АС всячески противился введению права вето. Впоследствии сэр Ф. Эгглстон объяснял позицию своих коллег: «вето очевидно поставит пять великих держав в независимое от всемирной организации положение, и, так как войны возникают из соперничества великих держав, не будет средства предотвратить войну»¹⁴. Выступая 14 ноября 1946 г. в I комитете ГА ООН, П. Хэзлак излагал точку зрения своей делегации: «Цель Австралии в том, чтобы постараться применять Устав в его настоящем виде и обеспечить эффективность Совета Безопасности как орудия для поддержания мира». Подробно проанализировав все случаи применения права вето СССР, оратор призвал все великие державы «пользоваться принципом единогласия умеренно и в интересах эффективного функциониро-

вания Совета... проникнуться духом взаимной уступчивости». Даже делегату от Югославии эта резолюция показалась «разумной и умеренной». Однако из уст А.Я. Вышинского австралийцы получили грубую и ни одним фактом практически не подтвержденную отповедь и обвинения в неуважении к жертвам, понесенным СССР во время войны, в стремлении «нанести удар единству великих держав»¹⁵.

Примеры его политической демагогии можно продолжить. Как только австралийская делегация, поддержав советскую резолюцию о всеобщем разоружении, предложила к ней поправки с конкретными мерами по введению международного контроля над данным процессом, последовал ответ Вышинского, что поправки «нецелесообразны», ибо «они не помогут благополучному разрешению стоящей перед Комитетом проблемы»¹⁶. Вопросы прав человека – еще один пример аналогичного подхода СССР; споры вокруг этой проблемы надолго стали одной из основных препон в советско-австралийских отношениях. Одним из первых поводов к разногласиям в 1949 г. стало преследование верующих в Румынии, Венгрии и Болгарии, на защиту которых в ГА ООН встала австралийская делегация. В ответ Вышинский обрушился на руководство АС с обвинениями в нежелании помочь австралийским аборигенам: «Вместо того, чтобы клеветать на страны народной демократии, австралийскому правительству следовало бы подумать обо всех этих фактах у себя в Австралии в связи со статьей 55 Устава, которая обязывает содействовать уважению и соблюдению основных прав человека и свободы для всех»¹⁷. Реакция Г. Эватта на этот пассаж была уже гораздо спокойнее, чем в предыдущие годы: он перечислил меры министерства внутренних дел по улучшению положения аборигенов, подчеркнув, что «Австралии тут нечего стыдиться». Тактика же советской делегации хорошо известна: вместо того, чтобы дать разъяснения по поводу ситуации, сложившейся в зоне их влияния, представители СССР обрушиваются с обвинениями по вопросу совсем иного порядка¹⁸. Австралийские политики прекрасно понимали подоплеку такой агрессивности; еще в 1947 г. Дж. П. Эббот из Нового Южного Уэльса вполне трезво оценил нападки А. Вышинского. По его словам, «очевидно, что эта атака была сделана

для советского внутреннего пользования – убедить советских людей в агрессивных намерениях Запада, ибо всем на Западе хорошо известно, что на СССР никто нападать не собирается»¹⁹.

В итоге наладить плодотворное сотрудничество Австралии и СССР в рамках ООН стало трудным делом. В 1945–1947 гг. из 103 случаев голосования в Совете Безопасности представители этих двух стран одинаково проголосовали в 23 случаях, придерживались противоположных точек зрения в 42 случаях и 38 раз их делегаты воздерживались от голосования – то есть, их интересы почти в 2 раза чаще расходились, чем совпадали в эти годы²⁰. Но не только это настораживало общественность Южного континента. В австралийской прессе резкой критике подвергалась атмосфера секретности и подозрительности, возведенная русскими «в ранг политики», строжайшая цензура в любой области²¹. По сообщению «Сидней Морнинг Гералд», в августе 1946 г. в период проведения Парижской конференции, где обсуждались вопросы послевоенного устройства, члены советской делегации предлагали «внимательно следить» за действиями австралийского министра иностранных дел Эватта – человека, с большой симпатией относившегося к русским и выступавшего в роли их защитника в Австралии. Для советского руководства он являлся «лидером англо-саксонского блока», искусственным во всякого рода подвохах и «ненадежной арифметике»²². Незаслуженные обвинения в адрес главы австралийской делегации повторялись столь часто, что на одном из заседаний 3 Комитета ГА ООН по социальным и гуманитарным вопросам на его защиту встал представитель Великобритании. Прочитывая ряд оскорбительных замечаний советской прессы в адрес Эватта, он посоветовал присутствующим сохранять чувство юмора, ибо по-иному реагировать на подобные вещи просто нельзя²³. В конце концов, не выдержал и сам Эватт. «Методы, применяемые советским руководством, приводят к мысли, что их система состоит в том, чтобы оклеветать любого, кто выступит с критикой политики, проводимой их страной. Таким путем невозможно добиться какого-либо прогресса», – заявил он в 1947 г.²⁴.

Терпение, с которым австралийцы разъясняли свои позиции, их готовность пойти на соглашение ради достижения искомой цели резко контрастировали с негибкой линией А.Я. Вышинского, В.М. Молотова, А.А. Громыко, Д.З. Мануильского и других, не желавших идти ни на какие компромиссы. Еще осенью 1945 г. в Лондоне в ходе работы комиссии по подготовке документов для ООН П. Хэзлак охарактеризовал тактику советской делегации во главе с А.А. Громыко как постоянное затягивание процесса принятия решений, отметив, что «эти факторы привели к мощной англо-американской тенденции ухаживать за Советами очень тщательно и уступать легко». Видимо, потому Громыко и был «очень упрямый в споре»²⁵. Но часто этот подход и подводил советских дипломатов: в конце 1940-х гг. большинство стран-участниц ГА и комитетов ООН отказывались поддерживать советские предложения по многим вопросам.

В Австралии деятельность ООН все чаще оценивалась критически. Сменивший в 1945 г. Кертина на посту премьер-министра Дж. Б. Чифли высказал неодобрение позиции СССР: «Эта страна продемонстрировала враждебное отношение к ее союзникам в прошедшей войне, и я не претендую на оправдание поведения Вышинского или Молотова». Однако в заключении он практически призвал следовать русской поговорке о худом мире, что лучше доброй ссоры: «Не имеет значения, насколько упрямыми могут быть нации, не имеет значения, насколько антагонистические позиции может занимать Россия, каждый общественный деятель обязан внести свою лепту в попытки преодолеть преграды и враждебность, что угрожают миру. Только действиями в духе доброй воли может быть предотвращена следующая мировая война»²⁶. Еще менее оптимистично смотрели на ООН представители либеральной и аграрной партий. В их глазах она виделась либо бесполезной ареной предательства интересов АС во имя несуществующего интернационализма (П. Спендер), либо неэффективной организацией, которую необходимо реформировать таким образом, чтобы ее ядро составил «сильный союз англо-говорящих государств» (А. Кэмерон)²⁷. Подобного рода заявления австралийских поли-

тиков были отражением растущей тревоги по поводу распространения практики Советов во многих регионах Земного шара.

Тем не менее, постепенно налаживалось австралийско-советское сотрудничество в научно-технической области, в области сельского хозяйства, обмена информацией по метеорологии, вопросам строительства. К концу 1940-х гг. роль СССР как одного из покупателей австралийских товаров стала более ощутимой, и в те годы наметились черты, которые до конца XX в. отличали наши торговые отношения. Так, в 1948–1949 гг. сумма австралийского экспорта в СССР превышала количество ввезенных из России товаров в денежном исчислении примерно в 60 раз. Сенатор из Тасмании У. Морроу указывал, что торговля шерстью с СССР крайне выгодна: здесь нет депрессий, что обеспечивает постоянный спрос; кроме того, в обмен на шерсть Австралия может получать русский лес, лен, меха, суперфосфат и другие материалы. Он подчеркивал: «Мы должны сделать все возможное для развития дружественных отношений с нашими северными соседями, в т.ч. с Россией и новым Китаем»²⁸. И он был не одинок в таком понимании событий; укрепление многостороннего сотрудничества вполне вписывалось в планы послевоенного устройства мира, над которыми австралийские политики работали задолго до окончания второй мировой войны. В этом контексте сотрудничество с СССР отчасти рассматривалось и как некий противовес растущему доминированию США в послевоенной расстановке сил на мировой арене.

В свете этих подвижек руководство АС стремилось сгладить постоянно возникавшие проблемы в отношениях наших стран. Например, в трудное положение поставили правительство АЛП заявления вернувшегося из СССР второго по счету посланника Австралии Дж. Малони. По материалам газет «Сенчури» и «Сан», высказывания посланника были не совсем лестными для страны его аккредитации. На закрытом заседании парламентской фракции АЛП он рассказал об истинной ситуации: о строгой регламентации в СССР деятельности дипломатов, о жесткой цензуре, о тяжелом положении советских рабочих и возникновении новой аристократии в лице партийной и научно-технической верхушки. Но что больше всего возмуща-

ло журналистов – это завеса молчания вокруг таких сведений. Впоследствии в Москве сам Малони имел по поводу этих публикаций беседу с В.М. Молотовым, и реакция советских правящих кругов была резко негативной²⁹. Но в ответ на парламентский запрос представители министерства иностранных дел АС заявляли только, что «сведения, появившиеся в прессе, в высшей степени неточны»³⁰. Дж. Стрит, в октябре 1945 г. еще раз посетившая СССР, дала жесткую отповедь Малони, который показывая ей послевоенную Москву, возмущался тем, что люди плохо одеты, ютятся в тесных общежитиях и вынуждены пользоваться «черным рынком» с завышенными ценами на продукты питания. «Господин Малони совершенно не разбирался в международных делах, да они его и не интересовали. Пребывание в России было ему ненавистно. Дипломатическая деятельность тоже. Единственное, чего он хотел, – это уехать на родину к своим приятелям по Объединению профсоюзов и лейбористской партии ... В качестве австралийского посланника в СССР он был похож на вытащенную из воды рыбу»³¹.

Все это мало способствовало затуханию страстей вокруг деятельности австралийских дипломатов в СССР. Лидеры оппозиции видели, что за первые пять лет существования миссии в Москве правительство АЛП меняет там второго посланника и держит в тайне все материалы об их деятельности. Основное требование оппозиции сводилось к большей доступности для общественности материалов, касавшихся положения на международной арене и деятельности австралийских представительств за рубежом, в частности³².

Хуже, однако, было то, что за дипломатическим фасадом скрывались вполне серьезные и порой трудноразрешимые проблемы по урегулированию судеб военнопленных, возврата имущества перебравшихся в Австралию жителей Западной Украины и Прибалтики. Сотрудники австралийской миссии неоднократно требовали от советских властей выдачи австралийских военнопленных, которых освободила из немецкого плена Красная армия, и просили не использовать их на трудовых работах, даже на добровольной основе: «Мы ожидаем и допускаем, что по освобождении для австралийских военнопленных автоматически возобновляется их военный статус и что Совет-

ские власти будут готовы к сотрудничеству по организации их немедленной репатриации»³³. По словам Малони, советская сторона «отнеслась с симпатией» к поднятым вопросам. Но когда австралийская миссия пыталась затребовать сведения о том, сколько австралийцев попало в СССР из немецких лагерей и где они находятся, опять возникали проблемы. Ответ заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского был обтекаем: из Польши в Одессу, где находился пересылочный лагерь, отправлены все британцы, но выделить из них именно австралийцев «было трудно для его офицеров». Впрочем, он обещал более внимательно рассматривать эти вопросы в будущем³⁴.

Еще более сложно решались трудности с выездом жен австралийцев, если брак был заключен с советскими гражданками. Согласно законам СССР, право на выезд давалось их мужьям, как подданным АС, но жены должны были прежде лично обратиться в Верховный Совет с просьбой об отказе от советского гражданства и ждать ответа по месту их жительства. Малони ходатайствовал о выезде вместе с мужьями трех советских женщин, которые вышли замуж за попавших в немецкий плен австралийцев в Кракове в феврале 1945 г. Его впечатления от разговора с Вышинским были неутешительные: «Впечатление, произведенное на меня Вышинским в ходе этого интервью, привело меня к выводу, что шансы на получение разрешения для жен трех наших людей воссоединиться с их мужьями в ближайшем будущем безнадежны. Может остаться очень отдаленный шанс, когда кончится война»³⁵.

Тем не менее, лейбористский кабинет явно стремился избежать дальнейшего обострения отношений с СССР, делая все, чтобы замять скандалы и обосновать необходимость упрочения дипломатических контактов с Москвой. Только этим можно объяснить состоявшееся весной 1948 г. преобразование миссий в посольства, да еще, пожалуй, и утверждением возрастающей роли АС в международных отношениях и необходимостью повысить в связи с этим статус своих представительств в государствах – постоянных членах Совета Безопасности. Официальная переписка по этому вопросу началась летом 1947 г. с письма посланника АС в Москве А.И. Уотта к В.М. Молотову. Ответ за подписью А.Я. Вышинского с согласием правительства

СССР был передан только через 7 месяцев, в феврале 1948 г. Австралийцы откликнулись уже в марте, и с мая 1948 г. все документы австралийского представительства в Москве шли с печатью Посольства Австралии в СССР³⁶.

Все это давалось руководству лейбористов нелегко. Жаркие споры о целесообразности сохранения дипломатических отношений с Советским Союзом вспыхнули при обсуждении бюджета на 1947/48 финансовый год. Парламентарии указывали, что на содержание миссии в Москве выделено 39 тыс. ф.ст., а активность дипломатов столь ограничена властями СССР, что не оправдывает и этих затрат: торговые связи невелики, передвижение по стране сведено к минимуму и пр. Вызывала сомнения и деятельность советской миссии в Канберре: сотрудников «никогда не видно, никогда не слышно, они не вступают в контакт с дипломатическими представителями других стран, не посещают здание парламента и удивительно, какую службу и обязанности они выполняют»³⁷.

Упреки эти были во многом обоснованными, и материалы архива МИД СССР частично дают ответ на них. Интерес к СССР в Австралии был по-прежнему велик; дипломатам приходило огромное количество писем с самыми различными вопросами: от желания услышать о проблемах строительства социализма в СССР до просьб выслать советские марки для маленьких австралийских коллекционеров. На всю эту корреспонденцию необходимо было по мере возможности ответить, и перед сотрудниками вставала первая серьезная проблема: постоянно не хватало достаточного количества книг, брошюр, кинолент и технических средств, чтобы удовлетворить все заказы. Тем не менее, культурно-пропагандистская работа велась, и достаточно интенсивно – в основном с помощью обществ австралийско-советской дружбы. Но в этой сфере возникала проблема, нередко ставившая сотрудников миссии в крайне щекотливое положение. Если до середины 1940-х гг. для многих рядовых австралийцев эйфория союзничества оказывалась сильнее, то во второй половине десятилетия оснований для нее оставалось все меньше, и в 1947 г. журнал «Острейлиен Ло Джорнал» отказался печатать предложенную ему статью Л. Трайнина о «выдающемся советском юристе» Вышинском³⁸.

Следует помнить и то, что деятельность сотрудников миссии тесно увязывалась с работой руководства в Москве, и на этапе, когда в цепочку включались высшие инстанции, начиналась мало тогда знакомая, а потому и малопонятная для австралийцев система советской бюрократии и волокиты, образцов которой можно привести несметное множество. К примеру, в январе 1944 г. А.П. Власову пришло письмо из посреднической конторы «Стринджер и Бридж», где давалась высокая экспертная оценка изобретению, позволявшему проводить бомбежку объектов тяжелыми снарядами, доставлявшимися к цели на высоте стратосферы. Клиент фирмы был готов ехать в СССР в качестве главного консультанта по созданию его детища. На письме появилась резолюция: «Пусть вышлет подробное описание, а после мы дадим наше заключение». Ждать пришлось 4 года. В мае 1948 г. в посольство СССР в Канберре пришло гневное письмо от изобретателя метательного снаряда Х.У. Эйтека, который в 1944 г. вдохновленный победами Красной Армии, направил на имя Власова чертежи своего изобретения. Но с тех пор он не только не получил никакого ответа, но несмотря на многочисленные просьбы, даже не смог встретиться с советским представителем. Обиженный таким невниманием, он требовал вернуть ему всю документацию³⁹. Другой пример сотрудничества был более успешен: одна из средних школ г. Канберры получила-таки необходимую ей для уроков географии коллекцию образцов минералов, имеющих в СССР, но переписка по этому вопросу тянулась с 1947 по 1949 г. Часто письма так поздно доходили до адресата, что содержащаяся в них информация попросту устаревала. Не надо говорить, что подобная практика никак не способствовала престижу СССР.

И, наконец, после окончания борьбы с фашизмом, когда эйфория союзничества постепенно уступала место «холодной войне», участились отказы со стороны советских сотрудников принять участие в каких-либо мероприятиях или помочь в какой-либо просьбе. Иногда это было мотивировано, как, к примеру, нежелание Н.М. Лифанова присутствовать на обеде в Австрало-Советском Доме в ноябре 1946 г. после расцененных СССР как недружественные высказываний второго по счету

австралийского посланника в Москве Дж. Малони⁴⁰. Но чаще отказ ничем не объяснялся, как в случае с просьбой инженера-мостостроителя В. П. Кармальского, изучавшего свою профессию во Франции и опубликовавшего ряд работ в Австралии, разрешить ему работать в СССР по изученной специальности⁴¹. Иногда давался формальный ответ из центра: на запрос австралийцев от 20 сентября 1948 г. о возможности организации обмена документальными и учебными фильмами между Национальной библиотекой АС и соответствующими советскими органами, МИД «имел честь сообщить, что в настоящее время советские киноорганизации не предполагают воспользоваться предложением» австралийской стороны⁴². Конечно, эти отказы можно было бы объяснить большой загруженностью работой немногочисленного штата советского представительства в Канберре. Однако, скорее всего, причина тут в другом. В первую очередь, конечно, в принятом СССР в послевоенные годы внешне- и внутривластном курсе, проводником которого в Австралии являлось советское посольство.

Все же большее беспокойство вызывали условия работы австралийцев в России. В ноябре 1949 г. сенатор из Квинсленда Н.О. Сэлливен спрашивал работников МИД: «Будет ли правительство серьезно рассматривать вопрос об отзыве нашего посла из России, если ему не будет предоставлена свобода передвижений и деятельности, которая обычно разрешается послам цивилизованных стран в цивилизованных странах? Или, напротив, рассматривает ли правительство вопрос о наложении аналогичных ограничений на передвижения и деятельность русского посла в Австралии?». В ответ сотрудники внешнеполитического ведомства лишь оправдывались тем, что представители других держав в СССР находятся точно в таком же положении и что попытки как-то урегулировать этот вопрос ни к чему не привели⁴³.

Споры относительно характера и интенсивности контактов с СССР выходили и за стены парламента. В условиях реальной свободы слова и печати в Австралии издавались не только журналы типа «Россия и мы», но и издания, черпавшие свою информацию совсем из иных источников. Явная пропагандистская ложь все больше раздражала австралийцев. Жур-

нал «Буллетин» возмущенно писал о циркулировавших в августе 1946 г. по всей Австралии советских памфлетах, в которых превозносились успехи строительства социализма после войны и ни слова не говорилось о помощи Украине и Белоруссии странами – членами ООН. Между тем Великобритания выделила им 156 млн. ф.ст., Канада – 34,7 млн., Австралия – 9,6 млн. и даже Новая Зеландия – 2 млн. Давно уже не было секретом для читателей-австралийцев, какое положение и какие функции приобрели в СССР партийно-бюрократическая верхушка и репрессивный аппарат, в какой ситуации пребывают рабочие и остатки крестьянства⁴⁴. Не оставалось следов не только поклонения Сталину, но и веры в возможность сотрудничества между СССР в его тоталитарной форме и демократическими государствами. Газета «Аргус» публиковала отклики на интервью Сталина для американских журналистов: «Вопрос встает так: может ли правящая олигархия, которая не в состоянии привести в действие собственную конституцию, не будучи при этом опрокинута ею, нормально и на основании законов поддерживать контакты за границей? Ибо, как в таком случае ей оправдать в глазах собственного народа те строгие меры и беззакония ее собственного поведения дома, если вдруг она станет дружить со всеми ведущими державами внешнего мира? Не держится ли диктатура в России на сохранении состояния напряженности и незащищенности для оправдания ее существования?»⁴⁵. В этом же видели и причину проводившейся в те годы СССР политики искусственной изоляции от внешнего мира, получившей с легкой руки У. Черчилля название «железного занавеса». Изумление иностранцев вызывал прием, оказывавшийся им в СССР: по пересечении границы они тут же попадали «в объятия ВОКС» (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей – *Н.С.*), организовывавшего «водочные туры» под постоянным наблюдением его неусыпных сотрудников⁴⁶.

Энтузиазм поклонников идей интернационализма остужали статьи в советских газетах, где западные страны представляли воплощением зла и насилия, а о миролюбивых шагах их государственных деятелей не упоминалось вовсе. Впрочем, здесь же необходимо подчеркнуть, что никогда неприятие ста-

линской диктатуры австралийцы не переносили на народы СССР. Восхищался мужеством и стойкостью русских Г. Холт; с состраданием говорил о простых людях России либерал из Виктории Т.У. Уайт, проведший два года в плену и подружившийся там с русскими военнопленными: «Я верю, что если бы русским дали возможность выбрать свою политическую судьбу, они стали бы демократическим народом... То, что произошло в России – просто смена тирании царского режима на тиранию контроля со стороны пролетарских лидеров»⁴⁷. Из невозможности мирного сотрудничества следовал логический вывод о неизбежности «безопасности посредством силы»: только хорошо вооруженные мощные западные демократии способны заставить уважать себя и сдержать экспансию СССР в мире⁴⁸.

А поводов для обвинений в экспансии советская внешняя политика давала множество, как в Восточной Европе, так и в Юго-Восточной Азии; австралийской прессой это оценивалось как балансирование на грани войны: «Она преследует единственную цель – контроль над Европой и Средиземноморьем, акцентируя внимание на человеческой нищете, подстрекая к классово-борьбе и, если необходимо, направляя и финансируя коммунистические восстания»; установление коммунистических режимов в Европе расценивалось как создание «наиболее опасного кризиса со времени окончания войны»⁴⁹. Вызывало беспокойство присутствие советских войск на территориях сопредельных с СССР государств: в 1946 г. в Восточной Европе насчитывалось 60 дивизий (около 3 млн. чел.), что на 4 дивизии превышало численность американских сил в период открытия второго фронта. «Что здесь делают русские, никогда не объяснялось, но они не демонстрируют никакого желания уходить... они вызвали к себе ненависть даже со стороны братьев-славян за насилие и грабеж, организованное мародерство и восточные расправы». Возмущало и двуличие советских лидеров: «Буллетин» под заявлением Сталина о том, что русские не хотят «ни единой пяди чужой земли», разместил таблицу с размерами территорий и численностью населения, отошедшими в СССР с сентября 1939 г., и к ним добавлялись еще 12 государств Европы и Азии, попавших в орбиту советского влияния. Немудрено,

что все чаще со страниц прессы стала раздаваться критика в адрес Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля в период Ялты и Потсдама, где они фактически проводили политику второго Мюнхена – политику умиротворения очередного агрессора в послевоенные годы⁵⁰. Все эти сообщения поначалу с трудом увязывались со сложившимся в годы войны представлением об СССР как о союзнике, а впоследствии поставили австралийских политических деятелей перед вопросом: как быть дальше.

Упомянутые факторы, безусловно, сказались на оценке военно-политического положения АС. Уже в начале 1946 г. австралийские военные эксперты анализировали ситуацию, исходя из весьма высокой вероятности войны с СССР. Так, существовали опасения, что «развал Объединенных Наций... будет результатом непримиримых различий между членами Большой Тройки и в случае такого исхода вытекающая из этого война может начаться немедленно». «Главная угроза интересам Империи в Европе, на Ближнем Востоке и Индии всегда будет присутствовать, и она распространится на южную часть Тихого океана, если Россия будет наращивать свою морскую мощь», – утверждали специалисты. Тревожили и перспективы размещения вблизи границ АС советских военно-воздушных баз с ядерным оружием, и контроль СССР над морскими коммуникациями АС в Тихом и Индийском океанах. Особое беспокойство вызывало усиление позиций СССР в Японии и Китае, что делало угрозу интересам Империи весьма серьезной. Отмечалось, что в случае усиления военной опасности главной опорой мира остается ООН, а в случае неэффективности этой организации вступит в действие план Имперской обороны в кооперации с США. В соответствии с этим видением мира и строились все военно-стратегические задачи АС⁵¹. Общее мнение верхушки австралийских политиков и государственных деятелей сводилось к тому, что «отношения с советским правительством представляют самую большую текущую проблему внешней политики». В этой связи изменилось полностью отношение к Японии; образ злейшего врага канул в прошлое: «Наша политика должна быть направлена на трансформацию Японии в полезного и надежного члена сообщества наций. Нам следует, особенно, избегать того типа обращения, который оставил Гер-

манию с жадой мести и в состоянии приступить к будущей агрессии в течение двадцати лет после 1918 г.»⁵².

Может быть, именно в такой атмосфере растущей подозрительности, а в чем-то и прозрения австралийских политических кругов, стоит искать корни инцидента вокруг несостоявшейся поездки делегации советских женщин в Австралию летом 1946 г., гневное сообщение о которой было опубликовано в «Известиях». Несмотря на все попытки Дж. Стрит организовать перелет делегации советского женского Антифашистского комитета из Лондона в Сидней, все 6 ее участниц вынуждены были вернуться в Москву⁵³. Но это была лишь первая снежинка приближавшейся дипломатической зимы. В дальнейшем руководители АС уже открыто заявляли, что «австралийское правительство не признает Общество австрало-советской дружбы достаточно авторитетной и влиятельной организацией и не желает иметь с ним дела», и не допускали такие организации в качестве посредников при приеме и обмене посетителями между Австралией и СССР⁵⁴. Основанием для упреков в адрес этих обществ и поводом для постепенного их свертывания послужили не только изменения в политической атмосфере послевоенных лет и раздражающая пропаганда насквозь вымышленных «достижений социализма», но и содержание ряда выступлений, а особенно призывов, звучавших во время мероприятий, проводившихся под их эгидой. Вряд ли могло вызвать симпатии государственных лидеров АС выступление, к примеру, известного профсоюзного деятеля Э. Торнтон в 1946 г. в Мельбурне на демонстрации в честь годовщины Октября: «Мы празднуем Русскую революцию, но через пару лет мы, возможно, будем отмечать день Австралийской революции». Учитывая реальный опыт послереволюционной истории России, такой призыв выглядел, по меньшей мере, провокационно. Более того, в своем обращении к правительству тот же Торнтон писал: «Мы, коммунисты этой страны, копим силы для совершения кровавой революции»⁵⁵. Реакция на столь откровенный экстремизм могла быть только одна. И, конечно же, все это усугублялось начавшимся во второй половине 1940-х гг. обострением международных отношений, которое впоследствии получило название «холодной войны».

В конце 1940-х гг. АС поддержал создание НАТО и поставил вопрос о нарушениях прав человека в странах Восточной Европы, попавших в сферу влияния СССР, что всегда рассматривалось нашим руководством как проявление самого грубого вмешательства во внутренние дела. Столь же неприемлемыми для Москвы были поддержка, оказываемая АС правительству Чан Кайши в Китае, и непризнание коммунистической КНР. В результате отношения наших стран оставались долгие годы на периферии дипломатических интересов друг друга, а ярлыки периода «холодной войны» еще долго бытовали в дипломатическом лексиконе и в СМИ. И расстановка сил в федеральном парламенте Австралийского Союза все больше стала напоминать знакомую картину начала 1940-х гг.

Несмотря на все обстоятельства, представители правящей АЛП не отвергали полностью идею сотрудничества с СССР. Напротив, доминантой их внешней политики оставался курс на мирное сотрудничество и решение споров за столом переговоров. Во многом это объяснялось как идеологическими и политическими соображениями, так и наличием в первые послевоенные годы отдельных общих точек соприкосновения интересов двух стран – например, по проблеме послевоенного урегулирования в Японии⁵⁶. Степень доверия и симпатий к СССР варьировалась от прямой апологии сталинского режима и его внутри- и внешнеполитического курса, например, в выступлении министра транспорта Э. Дж. Уорда⁵⁷ до умеренно-критического подхода центральной фигуры внешней политики Австралии тех лет Г.В. Эватта. Он, как и многие его сторонники, относился к той категории прогрессивно настроенной интеллигенции 1930–1940-х гг., для которых нелестные высказывания в адрес Советского Союза были равносильны нарушению правил хорошего тона. Будучи равнодушным к идеологической борьбе, он не разделял точки зрения своих оппонентов на диаметрально противоположность интересов СССР и стран Британского Содружества и делал упор на необходимость мирного сосуществования, невзирая на существовавшие различия⁵⁸.

Из уст австралийских политиков все чаще исходила критика курса союзников в 1943–1945 гг. Так, К.Э. Бизли указывал на грубое нарушение суверенных прав народов, когда главы

трех держав перекраивали карту мира, не считаясь ни с мнением людей, ни с точкой зрения своих парламентов, и уступали Москве страны, соглашаясь на необоснованно большие суммы репараций. Поэтому главный упрек в том, что СССР стал основной угрозой миру, Бизли адресовал непосредственно правительствам союзников⁵⁹. При этом, впрочем, никто не вспомнил о позиции Дж. Кертина, который, как уже говорилось, готов был «расплатиться» со Сталиным аналогичным образом. В этом смысле отношения с СССР были очень похожи на доверенную политику «умиротворения агрессора». Аморализм такого подхода состоял в том, что расплата чужими территориями в далекой Европе рассматривалась как необходимость в минуты смертельной опасности. Но когда угроза миновала и подобная практика затронула ближайших соседей в ЮВА, все стали возмущаться аппетитами Сталина.

Со стороны либерально-аграрной оппозиции оценки внешнеполитического курса СССР звучали гораздо резче, варьируясь от умеренного антикоммунизма Р. Мензиса до полного отрицания возможности плодотворного сотрудничества со сталинской Россией у П. Спендера. Правых политиков пугало территориальное расширение СССР как в Европе, так и на Дальнем Востоке, где в его владение перешли Курилы и южная часть Сахалина, не говоря уже об обширных сферах влияния. АЛП доставалось от оппозиции за ее некритическое отношение к СССР и попытки оправдать его внешнеполитические акции. Б. Косер из Квинсленда напоминал о двойной игре Сталина в 1938–1940 гг.: «Конечно, мы приветствовали вступление России в войну против Германии, но ныне мы платим слишком большую цену за это преимущество, особенно если вспомнить, что Россия ввязалась в войну только потому, что была атакована Германией». Все вину за это он также возлагал на политику уступок СССР в 1943–45 гг., в результате которой «Россия получила гораздо большие выгоды, чем те, на которые могла рассчитывать»⁶⁰.

Главной препоной к сотрудничеству для оппозиции были философские и идеологические установки, которыми руководствовались вожди ВКП(б). Лидер аграриев сэр Эрл Пейдж подчеркивал в своей речи в палате представителей 25 сентября

1947 г.: «Я возвышаю свой голос не против России, но против всей идеологии и практики коммунизма... Мое отношение к коммунизму заключается в том, что я категорически против идеи создания рабского государства, в котором каждый его член является только членом вместо того, чтобы быть свободным мужчиной или женщиной»⁶¹. Лидера Либеральной партии Мензиса раздражало и беспокоило безосновательное нарушение Сталиным не только этих принципов международного права, но и несоблюдение подписанных им самим же документов, в которых оговаривались условия послевоенного устройства. Он опасался, что СССР в результате бесконечных уступок «окажется в состоянии диктовать условия всему миру»⁶². Однако наибольшей резкостью оценок отличались выступления в парламенте П.К. Спендера. По его словам, «вторая эра умиротворения» агрессора – теперь уже СССР – грозила обернуться еще большими бедами для человечества: в странах советского влияния будут созданы те же концлагеря и развернется оголтелая пропаганда социальной и политической нетерпимости, ибо советские лидеры «следуют курсом, почти точно воспроизводящим тот, что был избран Гитлером в 1932–39 гг.». Единственно приемлемым для него курсом стала борьба против коммунистического доминирования в мире; главный способ достижения цели – «мир с позиции силы». Он столь непримиримо отстаивал свою точку зрения, что 24 сентября 1947 г. решением большинства депутатов палаты представителей был «временно отстранен от работы в палате» и вынужден был покинуть заседание⁶³.

В итоге вновь, как и в начале 1940-х гг., под огонь критики попала КПА. Главным обвинителем выступала оппозиция, припомнившая коммунистам пропагандистские акции, связь с Москвой, их позицию в начале Второй мировой войны. «С тех пор они пытались завоевать расположение общества за спиной советских солдат», – утверждал Р. Мензис. Деятельность компартии расценивалась, как выполнение инструкций Кремля, и в ней виделось отражение вмешательства СССР во внутренние дела АС⁶⁴. Эти настроения были подхвачены прессой: подрывная деятельность австралийских коммунистов усматривалась в проведении забастовок, направленных на расшатывание

устоев государственного строя Австралийского Союза. На основании этого вся работа КПА объявлялась противоречащей 14 и 19 статьям Конституции АС⁶⁵. Журналисты и парламентарии подчеркивали существовавшую связь между КПА и АЛП, вплоть до цитирования выступлений ряда лейбористов, призывавших в предвыборной кампании отдать вторые преференции коммунистам⁶⁶. Нельзя не признать, что в определенной мере нападки на КПА и обвинения АЛП в пособничестве коммунистам играли роль одного из козырей в борьбе оппозиции за голоса избирателей на выборах 1946 и 1949 гг.

В свете всего вышесказанного вполне обоснованным кажется поворот во внешнеполитическом курсе АС в сторону США. В период II мировой войны, как известно, именно они сыграли решающую роль в отражении назревавшего японского вторжения в Австралию. В те годы была заложена база для будущего военно-политического сотрудничества, и американским морякам во время визита кораблей ВМС США в Австралию весной 1947 г. был оказан самый теплый прием⁶⁷. С 1946 г., по мнению специалистов, можно говорить о начале реального многостороннего экономического сотрудничества между этими странами. Во второй половине 1940-х гг. около 20 американских промышленных компаний открыли свои филиалы на территории Южного континента, и общий объем их капиталовложений составил порядка 8 млн. долл.⁶⁸. Все чаще из уст австралийских государственных деятелей раздавались призывы продолжать тесное сотрудничество с США и после войны. Так, сам Эватт склонялся к союзу с США больше, чем к сохранению тесного альянса с бывшей метрополией⁶⁹. Но и здесь далеко не все складывалось безоблачно: в Вашингтоне отнюдь не всегда считались с мнением АС, что приводило к серьезным спорам и недовольству австралийских парламентариев их заокеанскими коллегами: критике подвергался план Маршалла, настороженно воспринималось и усиление позиции США в системе мировых рынков⁷⁰. Тем не менее, выбор остался за Соединенными Штатами, которые в конце 1940-х гг. стали в глазах австралийцев единственно надежным гарантом безопасности в АТР.

Советское руководство не сумело увидеть возможного и реального союзника в австралийских лейбористах и ничего не

сделало, чтобы привлечь их на свою сторону и укрепить намечавшиеся симпатии. Новый всплеск антисоветских настроений в АС в конце 1940-х гг. во многом был замешан на страхе рядовых граждан перед угрозой новой военной конфронтации. По результатам опросов общественного мнения, в 1946–1948 гг. до 60% респондентов были уверены в неотвратимости очередной мировой войны, и от 48 до 75% считали, что именно СССР стремится к мировому господству⁷¹. Эти настроения искусно подогревались прессой и представителями оппозиции: осенью 1949 г. в стенах федерального парламента неоднократно, со ссылкой на интервью австралийских военных прессе, задавались вопросы о готовности Австралии к войне с Россией. И хотя правительство отвергло все слухи о секретных встречах в верхах по поводу возможных военных действий⁷², внешнеполитический курс СССР вольно или невольно дал мощный козырь в руки либерально-аграрной коалиции, которым та не преминула воспользоваться для прихода к власти. В ходе предвыборной кампании 1949 г., приписывая АЛП преувеличенные симпатии к СССР и коммунизму, партии оппозиции пытались убедить избирателей в опасности курса лейбористов. Показательно, что пост министра иностранных дел в новом правительстве либералов Мензиса был отдан яркому противнику СССР П. Спендеру. В последующие годы советско-австралийские отношения резко ухудшились: с 1950 г. австралийский посол А.С. Уотт уехал на родину в служебную командировку и больше не возвращался в Москву, оставив ведение дел временному поверенному. Логическим завершением стали события 1954 г. и приостановка дипломатических отношений между двумя странами.

Очевидно то, что узкоклассовый подход и идеологическая зашоренность в подходах к внешнеполитическим вопросам в СССР ставили под удар их единомышленников в лице КПА и не позволяли в полной мере оценить и использовать реальных или потенциальных союзников в лице АЛП. Эти же критерии способствовали и свертыванию деятельности австрало-советских обществ дружбы, которые к середине 1970-х гг. превратились, по сути своей, в замкнутые кружки потомков выходцев из России, для которых были дороги любые связи с

бывшей родиной⁷³. В АС начал вновь создаваться образ СССР как агрессора-монстра, грозящего всему миру и любому государству, как бы далеко оно от него ни находилась. Фактически были тем самым уничтожены все моральные преимущества и симпатии к нашей стране, завоеванные в прямом смысле кровью советских солдат в годы борьбы против фашизма. В итоге 1940-е гг. оставили по себе в памяти австралийцев не только преклонение перед мужеством и героизмом советских людей, но и глубокое недоверие к правящим кругам СССР, которое сказывается донныне. Шанс, отпущенный историей на улучшение отношений между СССР и АС, использовать не удалось.

¹ Eggleston to Department of External Affairs. Cablegram 1154 WASHINGTON, 15 December 1945, 3.03 p.m. IMMEDIATE SECRET // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Publications. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au). Далее при цитировании данной публикации архивных документов будет указываться только номер тома и интернет-адрес.

² Commonwealth Government to Addison. Cablegram 465 CANBERRA, 19 December 1945. MOST IMMEDIATE SECRET. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

³ Evatt to Makin. Cablegram E64 WASHINGTON, 7 December 1945, 12.48 a.m. IMMEDIATE SECRET. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁴ Hasluck to Evatt. Cablegram 56 LONDON, 26 October 1945, 11.24 a.m. SECRET PERSONAL. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁵ См.: Commonwealth Government to Cranborne. Cablegram 22 CANBERRA, 27 January 1945. TOP SECRET. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁶ Evatt to McIntosh. Cablegram 9 CANBERRA, 6 January 1945. MOST IMMEDIATE. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).

⁷ См.: Лебедев И.А. Внешняя политика Австралии, 1939–1975. М., 1975, с.74.

⁸ Australia. Parliamentary Debates (далее: PD). Canberra, 1940 –, vol.205, p.955.

⁹ См. подробнее: Hasluck P. Diplomatic Witness. Melbourne, 1980, p.196–197.

¹⁰ См.: PD, vol.189, p.92, 104, 158–162, 178; Hudson W.J. Australia and the Colonial Question at the UN, Honolulu, 1970, p.5, 25.

- ¹¹ См.: Лебедев И.А. Указ. соч., с.75-76; Мартынов А.И., Русакова О.К. Австралия в международных отношениях XX в. М., 1978, с.80–81, 91–103, 131–134.
- ¹² ООН. 4 Комитет. Опека. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 6 ноября 1947 г. Нью-Йорк, 1947, с. 56–58.
- ¹³ Australian Delegation, U.N. Preparatory Commission [1], to Dunk. Memorandum UNO/Rep 7 LONDON, 4 December 1945. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).
- ¹⁴ Egglestone F.W. Reflections on Australian Foreign Policy. Melbourne, 1957, p.10.
- ¹⁵ ООН. Официальные отчеты 2 части 1 сессии ГА. 1 Комитет. Краткие отчеты заседаний 2 ноября – 13 декабря 1946. Нью-Йорк, 1946, с. 25, 26, 31–33.
- ¹⁶ Там же, с. 76–77, 82–83, 156–157.
- ¹⁷ Цит. по: Правда, 1949, 14 октября, с. 3.
- ¹⁸ PD, vol.205, p.1396.
- ¹⁹ PD, vol.193, p.165.
- ²⁰ Подсчитано по: PD, vol.193, p.170–172.
- ²¹ См.: The Bulletin, December 11, 1946, p.12.
- ²² Цит. по: PD, vol.186, p.3648–3649.
- ²³ См.: ООН. 3 Комитет. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 11 ноября 1947. Нью-Йорк, 1947, с.74.
- ²⁴ ООН. 1 Комитет. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 19 ноября 1947. Нью-Йорк, 1947, с.121.
- ²⁵ Hasluck to Evatt. Cablegram 50 LONDON, 22 October 1945, 11.05 p.m. TOP SECRET. Vol. 8 (www.info.dfat.gov.au).
- ²⁶ PD, vol.193, p. 244.
- ²⁷ PD, vol. 205, p. 962–963, 970–971.
- ²⁸ PD, vol.204, p.902–903; vol.205, p.1356.
- ²⁹ См.: Архив внешней политики СССР (далее: АВП СССР), ф.65, оп.10, д.1, п.1а, л.16–20.
- ³⁰ См.: PD, vol. 183, p.4045; vol. 186, p. 285.
- ³¹ Стрит Дж. В поисках правды. М., 1967, с.216–217.
- ³² См.: PD, vol.193, p.351, 352, 421.
- ³³ Commonwealth Government to Cranborne. Cablegram 29 CANBERRA, 5 February 1945. TOP SECRET MOST IMMEDIATE. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).
- ³⁴ Maloney to Department of External Affairs. Cablegram 29 Moscow, 12 February 1945, 7.15 p.m. IMMEDIATE SECRET. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).

- ³⁵ Maloney to Department of External Affairs. Cablegram 77 MOSCOW, 5 March 1945, 4.47 p.m. MOST IMMEDIATE SECRET. Vol.8 (www.info.dfat.gov.au).
- ³⁶ См.: АВП СССР, ф.65, оп.13, д.2, п.4, л.43–44.
- ³⁷ PD, vol.193, p.328.
- ³⁸ АВП СССР, ф.155, оп.5, д.6, п.19, л.5, 6; д.12, п.20, л.49–53.
- ³⁹ АВП СССР, ф.155, оп.2, д.7, п.5, л.73–74; ф.65, оп.13, д.10, п.4, л. 53–54
- ⁴⁰ The Argus, November 11, 1946.
- ⁴¹ См.: АВП СССР, ф.65, оп.13, д.10, п.4, л.5–10.
- ⁴² АВП СССР, ф.65, оп.13, д.12, п.4, л.3–4.
- ⁴³ PD, vol. 204, p.105; vol. 205, p.1704–1705.
- ⁴⁴ См.: The Bulletin, August 14, 1946, p.12; January 1, 1946, p.18; July 13, 1946, p.8.
- ⁴⁵ The Argus, May 26, 1947, p.2.
- ⁴⁶ См.: The Bulletin, January 16, 1946, p.15–16; March 20, 1946, p.17.
- ⁴⁷ PD, vol.186, p.460, 553.
- ⁴⁸ The Argus, May 26, 1947, p.2.
- ⁴⁹ The Argus, June 26, 1947, p.2.
- ⁵⁰ См.: The Bulletin, April 17, 1946, p.9; June 12, 1946, p.6; October 2, 1946, p.19; January 30, p.6.
- ⁵¹ Chiefs of Staff Committee Minute 11/1946. Extracts [MELBOURNE], 20 March 1946. TOP SECRET. APPRECIATION OF THE STRATEGICAL POSITION OF AUSTRALIA, FEBRUARY 1946. Vol. 9 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵² Minutes of Meeting of Prime Ministers. PMM(46) 1st Meeting LONDON, 23 April 1946, 11 a.m. TOP SECRET. Vol. 9 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵³ См.: АВП СССР, ф.155, оп.4, д.11, п.14, л.4, 63, 118; Известия, 5.09.1946.
- ⁵⁴ АВП СССР, ф.65, оп.24, д.38, п.11, л.23; оп.32, д.18, п.29, л.114.
- ⁵⁵ Цит. по: PD, vol.193, p. 584–585.
- ⁵⁶ См. подробнее: Лебедев И.А. Указ. соч., с.59–60.
- ⁵⁷ См.: PD, vol.186, p.509–511.
- ⁵⁸ Hasluck P. Op. cit., p.42.
- ⁵⁹ PD, vol.193, p.147.
- ⁶⁰ PD, vol.193, p.203–204.
- ⁶¹ PD, vol.193, p.222.
- ⁶² PD, vol.186, p.443.
- ⁶³ PD, vol.193, p.123, 124, 126–129, 184.
- ⁶⁴ PD, vol.182, p.2318; vol.193, p.603; vol.186, p.461.
- ⁶⁵ См.: The Bulletin, February 13, 1946, p.7; February 20, 1946, p.6; October 23, 1946, p.19.

⁶⁶ PD, vol.193, p.625.

⁶⁷ См.: The Argus, May 20, 1947.

⁶⁸ См.: Cuddy D.L. Contemporary Australian – American Relations. Saratoga, 1981, p.1.

⁶⁹ Hasluck P. Op. cit., p.42–43.

⁷⁰ Лебедев И.А. Ук. соч., с.86; PD, vol.205, p.1355, 1356.

⁷¹ Campbell D. Australian Public Opinion on National Security Issues. Canberra, 1986, p.26.

⁷² См.: PD, vol.205, p.1463, 1893.

⁷³ См.: АВП СССР, ф.65, оп.35, д.12, п.33, л.45-49.